

DOI 10.15826/izv2.2021.23.3.049

УДК 325.11(470) + 316.01 + 33:94(470) +
+ 316.422.44**В. В. Канищев***Тамбовский государственный университет
им. Г. Р. Державина
Тамбов, Россия***Н. А. Жиров***Елецкий государственный университет
им. И. А. Бунина
Елец, Россия*

ЕСТЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ И МИГРАЦИИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЧЕРНОЗЕМНОГО ЦЕНТРА РОССИИ В УСЛОВИЯХ УРБАНИЗАЦИИ И КОНСЕРВАТИВНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ XX–XXI вв.

Целью статьи является комплексное изучение естественных и миграционных аспектов движения сельского населения России на протяжении XX — начала XXI в. под воздействием урбанизации и консервативной модернизации. Авторы исходили из необходимости учета не только убыли, но и перемещения сельского населения России. Статья основана на данных всеобщих переписей, материалах текущего учета населения областного, районного и поселенного уровней одного из успешных по российским меркам аграрных регионов — Центрального Черноземья. Данные источников обработаны количественными методами, включая моделирование демографических процессов прошлого, что позволяет верифицировать сведения официальных документов. В статье делается вывод об упрощенности тезиса о всеобщем «вымирании» русской деревни. Материалы истории Центрального Черноземья свидетельствуют о постоянно меняющейся демографической ситуации на уровне отдельных областей, районов и поселений. Откаты в процессе депопуляции, консервативная демографическая модернизация, особенно обратное перемещение горожан в сельскую местность, способствуют сохранению «островков устойчивости» в аграрном секторе. В черноземных областях остаются десятки районов и сотни населенных пунктов, где продолжается естественный прирост и миграционный приток жителей. Авторы утверждают, что избыточное с точки зрения потребностей современного сельского хозяйства население будет продолжать мигрировать. Вместе с тем на основании материалов последних десятилетий высказывается предположение о том, что в сельскую местность будет прибывать определенное число людей, предпочитающих сельский образ жизни или стремящихся пережить там кризисные времена. Наблюдаемая в критические периоды обратная миграция в сельскую местность позволяла и позволяет амортизировать непрерывную убыль сельского населения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: историческая демография; сельское население; Центральное Черноземье; статистика; количественные методы

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 18-18-00187 «Стратегии демографического поведения сельского населения юга Центральной России в XX — начале XXI в.».

Ц и т и р о в а н и е: *Канищев В. В., Жиров Н. А.* Естественное движение и миграции сельского населения Черноземного центра России в условиях урбанизации и консервативной модернизации XX–XXI вв. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 3. С. 115–130. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.3.049>

Поступила в редакцию: 11.06.2020

Принята к печати: 23.06.2021

Valery V. Kanishchev

*Derzhavin Tambov State University
Tambov, Russia*

Nikolay A. Zhiron

*Bunin Yelets State University
Yelets, Russia*

**NATURAL MOVEMENT AND MIGRATION OF THE POPULATION
OF THE CENTRAL BLACK EARTH REGION OF RUSSIA
IN THE CONTEXT OF URBANISATION
AND CONSERVATIVE MODERNISATION
OF THE 20th–21st CENTURIES**

This paper aims to present a comprehensive study of the natural and migration movement of the rural population of Russia over several periods of the twentieth and early twenty-first centuries. The authors proceed from the premise that it is necessary to consider not only the decline of Russia's rural population but also its movement. The article refers to the data of general censuses and vital records of the population at the regional, district, and settlement levels in one of the most successful agrarian regions by Russian standards, i.e. the Central Black Earth Region. The authors process the information from the sources employing various quantitative methods, including modeling demographic processes of the past, which helps verify the information of official documents. It is concluded that the idea of the general "extinction" of the Russian countryside is oversimplified. Historical data of the Central Black Earth Region testify to the constantly changing, different directions of demographic processes at the level of individual regions, districts, and settlements. Backsliding due to the process of depopulation, conservative demographic modernisation, and especially the transfer of urban dwellers back to rural areas contribute to the preservation of "islands of stability". There are still dozens of districts and hundreds of settlements in the Central Black Earth Region characterised by natural growth and migration influx. The authors argue that a population which is excessive in terms of the needs of modern agriculture will continue to migrate. At the same time, based on the data

of last decades, it is suggested that a certain number of people will be staying in the countryside as well as relocating there — those preferring a rural lifestyle in general or seeking to survive there in times of crisis. The reverse migration to rural areas observed during critical periods made it possible and continues to amortise the continuous decline of the rural population.

Key words: historical demography; rural population; Central Black Earth Region; statistics; quantitative methods

Acknowledgements

The work is sponsored by the *Russian Science Foundation*, grant 18-18-00187 “Strategies of Demographic Behaviour of Rural Population of South-Central Russia in the 20th — Early 21st Centuries”.

For citation: Kanishchev, V. V., & Zhiron, N. A. (2021). Estestvennoe dvizheniie i migratsii sel'skogo naseleniia Chernozemnogo tsentra Rossii v usloviakh urbanizatsii i konservativnoi modernizatsii XX–XXI vv. [Natural Movement and Migration of the Population of the Central Black Earth Region of Russia in the Context of Urbanisation and Conservative Modernisation of the 20th–21st Centuries]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 23(3), 115–130. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.3.049>

Submitted: 11.06.2020

Accepted: 23.06.2021

В демографической литературе наряду с упрощенным тезисом о «вымирании» русской деревни все больше используются такие понятия, как модернизация, урбанизация, депопуляция и др. Для наполнения этих понятий конкретным историческим содержанием применительно к разным отрезкам истории и различным регионам России необходимо рассматривать сочетание естественного движения и перемещения сельского населения. В истории России последнего столетия изменения соотношения этих процессов являлись порождением не только модернизации и урбанизации, но и консервативных откатов от них.

Мы рассмотрим демографические процессы, связанные с естественным движением и перемещением сельского населения, на трех уровнях: губернском (областном), уездном (районном) и на уровне отдельных населенных пунктов. Такой подход позволит увидеть разнообразие демографических стратегий, проявляющихся на отдельных отрезках истории в разных комбинациях показателей естественного и механического движения населения.

Л. Н. Денисова, изучая запустение Нечерноземья в 1960–1980-е гг., отметила, что начало этого процесса относится к XIX в. Для нашей темы важно ее указание на главную причину запустения нечерноземной деревни, связанную с тем, что у России появилась возможность осваивать земли юга и юго-востока, в том числе и Центрального Черноземья [Денисова]. Мы не собираемся абсолютизировать специфику, тем более благополучие сельской жизни региона: напротив,

мы хотели бы показать, что нельзя переносить на все регионы России процессы запустения нечерноземной деревни.

Хронологические рамки статьи определены периодом от начала демографического перехода (1900–1910-е гг.) до нашего времени, что позволяет увидеть истоки современных демографических процессов в движении народонаселения.

Главная историографическая проблема состоит в том, что в региональных и даже в крупных историко-демографических исследованиях естественное и механическое движение населения далеко не всегда рассматриваются совместно [Андреев, Дарский, Харькова; Вишневский; Миронов]. В работах по истории миграций авторы обычно не связывают переселенческие процессы с естественным движением населения [Кабузан; Платунов; Якименко].

Одной из редких работ, в которых рассматривается влияние миграций на естественное движение населения, является монография В. И. Переведенцева, в которой показаны последствия переселения для рождаемости и смертности в новых местах жительства, но в стороне остается вопрос об изменениях демографической ситуации в сельских местах выезда [Переведенцев, с. 191–203]. Среди региональных исследований, посвященных длительным демографическим процессам с комплексным анализом естественного и механического движения сельского населения, выделяются работы Л. Н. Мазур. Важно наблюдение о том, что в регионе на микроуровне наблюдается разная (в том числе и положительная) динамика развития сельских населенных пунктов в зависимости от специализации района и статуса поселений [Мазур, Бродская; Мазур].

В исследовании Л. Н. Славиной предметом изучения стала совокупность естественного, пространственного и социального движения сельского населения Восточной Сибири 1960–1980-х гг. Немалую пищу для размышлений дают примеры изучения на региональном материале таких понятий, как консервативная модернизация и ложная урбанизация [Славина].

Исследования по исторической демографии аграрных регионов России показали, что в течение всего XX века в них происходило разнонаправленное и естественное, и механическое движение сельского населения, сохранялось устойчивое развитие отдельных сельских районов и поселений [Лукичев; Григоричев; Сушко].

Мы осторожно относимся к работам зарубежных исследователей истории демографических процессов в России, носящим общий характер, без выделения региональных особенностей. Наиболее значительные работы по исторической демографии Центрального Черноземья созданы американским историком С. Хокком, который долгое время работал в российских центральных и местных архивах и даже побывал в изучаемых им селах [Хок].

В работах С. Вегрена, посвященных современному российскому селу, сокращение численности сельского населения рассматривается как часть исторического процесса урбанизации. Автор видит разные стратегии развития российских сел, в том числе рассматривает примеры устойчивых сельских поселений [Wegren, 2014; 2016].

Источниковую основу работы составили данные о рождаемости, смертности и естественном приросте сельского населения губерний и областей региона, которые хорошо известны для всех периодов XX — начала XXI в. [Демографический ежегодник; Население России за 100 лет; Российская Федерация в 1992–1999 годах]. С источниковедческой точки зрения эти данные, собранные по единой методике, переработанные с учетом фальсификаций отдельных переписей населения советскими властями, представляются достаточно достоверными.

Показатели миграционного движения для большей части изученного периода приходится вычислять примерно. В общероссийской и губернской статистике начала XX в. учитывались в основном аграрные переселения, масштаб неземледельческих миграций можно определить только косвенно [Ежегодник России 1904–1916 гг.]. В чрезвычайные периоды российской истории (войны, раскулачивание, массовые репрессии и т. д.) учет миграционных потоков был крайне затруднен. Мы выявили только одну специальную статистическую публикацию о механическом движении в областях России в 1960–1970-е гг. [Миграции населения РСФСР]. При изучении миграций советского периода нужно учитывать проблемы паспортизации населения, недостаточную полноту учета миграции в сельской местности, а для постсоветского времени то, что регистрации подлежит миграция, сопровождавшаяся постановкой на учет по месту жительства, а перемещения, предполагающие регистрацию по месту пребывания, в статистику миграции не попадают [Мкртчян]. Эти замечания важны для определения количества мигрантов в Центральном Черноземье, где в советское время велика была доля крестьянства, а в последнее время развит вахтовый метод (современный вариант отходничества).

Необходимая для изучения вопросов движения народонаселения мезоуровня (уезды и районы) статистика опубликована в различных региональных и общероссийских справочных изданиях, на современных электронных ресурсах. Для прояснения некоторых исторических сюжетов на микроуровне привлекались справочники населенных пунктов, отчетность сельских советов.

Авторы стремились опираться только на статистические факты и их обработку количественными методами. Оценки результатов подсчетов формулировались с позиций историзма и региональных особенностей.

В работе использованы результаты наработок тамбовских историков по моделированию демографических процессов. Поскольку математический аппарат фрактального моделирования сложен, мы отсылаем интересующихся этой методикой на сайт Центра фрактального моделирования социальных и политических процессов Тамбовского государственного университета [Центр фрактального моделирования...]. В данной статье привлечены результаты моделирования, имеющие прямое отношение к теме исследования.

В историко-демографической литературе признано, что только в начале XX в. в российском аграрном социуме проявились первые признаки демографического перехода [Демографическая модернизация России..., с. 27–43; Миронов, т. 1, с. 158–211]. В черноземной деревне начала XX в. уже наблюдался средний

уровень смертности — значительно менее 40 ‰, что было проявлением влияния земской медицины, но сохранялась высокая рождаемость. В этом было отличие российской демографической модернизации от западноевропейской, где она начиналась с ограничения рождаемости. Такая особенность России стала проявлением консервативной модернизации, вела к большому естественному приросту и связанному с ним аграрному перенаселению. Положительный естественный прирост в губерниях Центрально-Черноземного района (далее — ЦЧР) превышал отрицательное миграционное сальдо. Выезд из черноземной деревни даже в период столыпинских переселений не разрежал перенаселенный сельский социум [Жиров, 2018]. Подчеркнем, что столыпинскую переселенческую политику с земледельческой направленностью нельзя связывать с урбанизацией. Источники начала XX в. позволяют говорить о порядке цифр миграций из губерний ЦЧР: аграрные — десятки тысяч, неземледельческие — тысячи человек ежегодно.

И все-таки в связи с урбанизацией, особенно в связи с отходом в губернии промышленного Центра в начале XX в. в ряде уездов Орловской и Тамбовской губерний стали заметны средние показатели рождаемости и смертности [Дьячков, Канищев; Жиров, 2010]. Но результаты такого переселения не были устойчивыми и в критические времена вели к обратному движению.

Для конца XIX — начала XX в. мы выявили единичные случаи существенных отличий демографических показателей на микроуровне отдельных поселений, связанных с миграционными процессами. В промышленном с. Бондари Тамбовского уезда в начале XX в. фиксировались сверхвысокие показатели рождаемости и смертности. Это объясняется консервативной формой метрического учета, при котором большое пришлое население не учитывалось в числе прихожан местной церкви, но постоянно записывалось при крещениях детей, обрядах венчания и отпевания. Обратный пример продемонстрировало с. Дятково Брянского уезда, где к 1910 г. в связи с кризисом производства на заводах началась безработица и миграция молодежи за пределы уезда. Это вело к сокращению показателей рождаемости и сопряженной с ней смертности.

Статистика военно-революционного периода 1914–1922 гг. позволяет говорить только о тенденциях в движении сельского народонаселения Черноземного центра. Моделирование демографических процессов на микроуровне нескольких сотен сельских поселений Тамбовской губернии показало, что на отрезках 1912–1917 и 1917–1920 гг. у крестьян возобладало традиционное демографическое поведение, особенно возврат к максимально возможной рождаемости [Жуков, Канищев, Лямин, 2016]. Параллельно развивался процесс переселения горожан на прокорм в сельскую местность Центрального Черноземья. Мы полагаем, что для бывших селян это было первым проявлением «ложной урбанизации»: переселенцы психологически были готовы к возвращению в деревню по причине малого приобщения к городской жизни.

Восстановление сельского населения Центрального Черноземья до середины 1920-х гг. шло традиционным путем сочетания высокой рождаемости и высокой

смертности, большого естественного прироста при небольшой миграции. Только во второй половине 1920-х — в 1930-е гг. в условиях индустриализации и коллективизации начался слом традиционной модели демографического поведения, одновременное снижение естественного прироста и рост миграции (табл. 1). Соотношение естественного движения населения и миграций в конце 1930-х гг., ставшее итогом во многом еще традиционного естественного движения населения черноземной деревни и массовых переселений в неземледельческие поселения в период между переписями 1926 и 1939 гг., невозможно подсчитать с высокой долей точности ввиду «препарирования» Центральным статистическим управлением результатов переписи 1939 г. Приходится использовать косвенные сведения, минимально искаженные региональные и первичные данные, и к ним применять наиболее объективные количественные методы.

Таблица 1

**Основные демографические показатели сельского населения
областей Центрального Черноземья в 1940 г. (в %)**
[Население России за 100 лет¹]

Область	Рождае- мость	Смерт- ность	Естественный прирост	Выселе- ние	Вселе- ние	Миграцион- ное сальдо
Белгородская	29,4	15,9	13,5	20	1	–19
Воронежская	28,1	17,6	10,5	43	1	–42
Курская	27,3	15,0	12,3	28	1	–27
Липецкая	26,4	17,0	9,4	31	1	–30
Орловская	23,3	14,8	8,5	39	1	–38
Тамбовская	30,0	19,6	10,4	30	1	–29

Показатели естественного движения в Центрально-Черноземном районе отразили типичный для большинства регионов Европейской России переход к средней рождаемости и низкой смертности (менее 20 %) при сохранении большого естественного прироста — около 10 % (табл. 1). Имеющиеся данные позволили вычислить только внутриобластную миграцию сельского населения (графа «Выселение»). При всей приблизительности полученных цифр можно утверждать, что отток молодежи из сельских поселений Центрального Черноземья в конце 1930-х гг. превысил естественный прирост сельского населения.

Для понимания показателей естественного и миграционного движения населения на микроуровне мы обращаем внимание на результаты моделирования демографических процессов в сотнях сельских поселений Тамбовского региона в 1926–1939 гг. В результате не естественного вымирания, а полной миграции населения, вызванной принудительным переводом жителей мелких поселений

¹ Белгородская и Липецкая области, отсутствовавшие в 1940 г., включены для сравнения с последующими годами. Орловская область включена с учетом исторической принадлежности к ЦЧР.

на центральные усадьбы колхозов, совхозов, МТС исчезли 27 % поселений. В ходе колхозного строительства было основано немало новых поселений (13 % выборки). Они заселялись молодым населением, что обусловило высокую рождаемость и низкую смертность в таких населенных пунктах, превышение естественного прироста над миграционным оттоком. Выявлена большая группа поселений (39 %), для которых было характерно преобладание миграционной убыли над естественным приростом. Другой тип демографического поведения (20 %) характеризовался меньшим миграционным оттоком и большим естественным ростом. В целом на микроуровне отдельных сельских населенных пунктов к концу 1930-х гг. миграционные процессы стали заметными, но далеко не везде преобладали над естественным приростом населения [Жуков, Канищев, Лямин, 2012].

В целом по показателям областного уровня следует говорить об отрицательном миграционном сальдо, преобладании механической убыли сельских жителей Центрального Черноземья над положительным естественным приростом. Но далеко не все переселения послевоенных лет были связаны с урбанизацией. Вряд ли можно назвать таковой заселение сельской местности вновь присоединенных Южного Сахалина или Калининградской области или обратный отток переселенцев оттуда.

Моделирование демографических процессов 1939–1959 гг. на уровне сотен населенных пунктов Тамбовской области показало, что в послевоенный период в большинстве из них шел рост населения благодаря сохранению высокого естественного прироста и особенно за счет сокращения миграции [Жуков, Канищев] (табл. 2).

Таблица 2

**Основные демографические показатели сельского населения
областей Центрального Черноземья в 1950 г. (в %)**
[Население России за 100 лет]

Область	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост	Выселение	Вселение	Миграционное сальдо
Белгородская	19	7	12	17	2	–15
Воронежская	21	9	12	45	2	–43
Курская	24	9	15	23	2	–21
Липецкая	21	7	14	27	2	–25
Орловская	24	8	16	28	2	–26
Тамбовская	24	9	15	27	2	–22

Сравнение данных 1960 г. с 1950-ми гг. показывает повышение отрицательного миграционного сальдо селян во вновь образованных Белгородской и Липецкой областях (вероятный рывок в молодые областные центры), некоторый положительный рост в Воронежской, Орловской, Тамбовской областях (табл. 2, 3).

Таблица 3

**Основные демографические показатели сельского населения
областей Центрального Черноземья в 1960–1990 гг. (в %)
[Население России за 100 лет*]**

О	1960					1970					1980					1990				
	р	с	п	мс	пг	р	с	п	мс	пг	р	с	п	мс	пг	р	с	п	мс	пг
Б	21	7	14	–35	28	13	10	3	–22	50	14	12	2	–26	76	13	13	0	–17	69
В	21	8	13	–24	43	12	9	3	–23	54	13	13	0	–23	57	12	14	–2	–13	43
К	23	8	15	–23	31	12	10	2	–17	27	13	13	0	–30	35	12	14	–2	–16	44
Л	23	7	16	–37	40	14	9	5	–19	54	13	12	1	–22	56	12	13	–1	–13	70
О	21	7	14	–20	30	12	10	2	–21	29	13	12	1	–31	55	12	13	–1	–15	56
Т	22	8	14	–22	32	12	10	2	–21	42	13	14	–1	–25	42	12	15	–3	–20	38

* Обл — области: Б — Белгородская, В — Воронежская, К — Курская, Л — Липецкая, О — Орловская, Т — Тамбовская; р — рождаемость, с — смертность, п — прирост естественный, мс — миграционное сальдо, пг — прибыло в города (показатель включен для сравнения с предыдущими периодами и сопоставления с текущим миграционным сальдо).

Это подтверждает наблюдение о том, что в 1950-е гг. произошел некоторый отток бывших сельских жителей из городов в связи с резким повышением благосостояния крестьянства по меркам того времени. Наиболее ярко этот процесс проявился в малоурбанизированных регионах Черноземного Центра [Аникин].

Последствия массового отъезда молодого населения из села стали сказываться на воспроизводстве местных жителей к 1970 г., когда рождаемость сократилась вдвое. Нужно учитывать и исторические факторы: падение коэффициента рождаемости в СССР вследствие первого эха Великой Отечественной войны. В 1960-е гг. основную массу молодых родителей составили люди, родившиеся в период войны и «смежные» с ними неблагоприятные годы [Канищев, Жиров, Кунавин].

В 1960-е гг. в СССР, как и во многих странах Запада, начался подъем уровня смертности вследствие роста техногенных нагрузок в урбанизированном обществе. Коэффициент смертности селян также вырос в связи с постарением населения ввиду отъезда молодежи. Добавилась и историко-демографическая причина: в 1960-е гг. в «смертный возраст» вступало большое поколение второй половины 1920-х годов рождения, которому судьба «отмерила» среднюю продолжительность жизни в 40 лет [Население России за 100 лет, с. 167].

К 1990-м гг. показатель смертности в сельской местности Центрального Черноземья существенно не вырос по сравнению с 1970 г. и оставался ниже, чем в довоенной деревне, когда никто не говорил о ее вымирании. Небольшое значение отрицательного естественного прироста 1990 г. не говорит о массовом вымирании сельских жителей. Главной причиной сокращения их числа стала миграция, вызванная, на наш взгляд, действием закона возвышающихся потребностей, который в экономической теории формулируется следующим образом:

«развитие новых видов деятельности порождает новые потребности» [Маршалл, с. 237]. В конкретной ситуации 1960–1980-х гг. это означало, что широкое распространение в советской деревне видов деятельности, связанных с индустриальными технологиями и современными формами работы в социально-культурной сфере, вело к росту потребностей, которые в большей мере можно было реализовать в урбанизированной среде. Проще говоря, сельский парень, овладевший в ПТУ специальностью токаря, предпочитал работать на городском заводе, а не в колхозных машинно-тракторных мастерских; сельская девушка, получившая в вузе специальность библиотекаря, стремилась работать в городской библиотеке, а не в сельском доме культуры. Жизнь в центрально-черноземной деревне в 1960–1980-е гг. продолжала улучшаться, но росли и потребности, которые в большей мере можно было реализовать в урбанизированной среде.

Данные 1959–1989 гг. по 264 районам ЦЧР и соседних областей свидетельствуют о том, что почти в 30 из них население увеличилось. Здесь не было большого оттока населения, имелся внутрорегиональный приток по причине приемлемой для сельских жителей современной производственной, бытовой, социально-культурной инфраструктуры [Жиров, 2019].

Моделирование демографических процессов на микроуровне сотен сельских поселений Тамбовской области периода 1959–1989 гг. показало сложные сочетания естественного и механического движения селян (табл. 3). Преобладающими явлениями были отъезд молодежи и падение рождаемости. Но в эти десятилетия намечилось и заметное обратное движение. Как правило, это было возвращение людей среднего и старшего возрастов, что не вело к росту рождаемости [Жуков, Канищев, Лямин, 2019]. Общеизвестным процессом в регионе является переезд в родные края людей, заслуживших «раннюю» пенсию на службе в армии, на вредных и тяжелых производствах. После этого центрально-черноземная деревня была достаточно привлекательна.

Таблица 4

**Естественный прирост и миграционное сальдо населения
областей Центрального Черноземья в 2000–2010-е гг.***

[Демографический ежегодник Российской Федерации за 2000–2018 годы]

Год	Белгородская		Воронежская		Курская		Липецкая		Орловская		Тамбовская	
	пр	мс	пр	мс	пр	мс	пр	мс	пр	мс	пр	мс
2002	–14	2	–15	0	–18	–4	–14	–1	–15	3	–14	–2
2010	–8	2	–11	–4	–13	–12	–8	0	–8	2	–10	0
2018	–8	4	–10	0	–12	–9	–8	–1	–9	–1	–7	0

* Пр — прирост естественный, мс — миграционное сальдо.

В первые десятилетия XXI в. при небольших колебаниях рождаемости и смертности у сельского населения всех областей Центрального Черноземья

наблюдалась заметная естественная убыль, сформировавшаяся в кризисные 1990-е гг. (табл. 4). Хотя ее значения в начале XXI в. снизились, они на всех отрезках периода превышали показатель миграционного сальдо. В настоящее время на уровне областей Центрального Черноземья процессы депопуляции явно преобладают над ходом миграции населения из сельской местности.

В 1990–2010 гг. в Центральном Черноземье и соседних регионах в 54 районах (20 % от изученной совокупности) число жителей сохранилось или выросло [Жиров, 2019]. Такое могло быть только при сравнительно небольшой естественной убыли и положительном миграционном сальдо. Привлекательность этих районов связана со сравнительно успешным по сельским меркам социально-экономическим развитием. Это число почти вдвое больше, чем на отрезке 1959–1989 гг.

На микроуровне соотношение естественных и механических демографических процессов начала XXI в. выглядело разнообразно. Анализ материалов сельских советов Липецкой и Тамбовской областей показал, что в 122 из 210 исследованных сельсоветов в 2010-е гг. число уехавших жителей оказалось больше, чем умерших, в 88 случаях ситуация была обратной.

Результаты фрактального моделирования демографических стратегий населения сельских поселений Тамбовской области в период 1989–2010 гг. показывают, что 14 % поселений эволюционировали в направлении демографического возрождения, еще 13 % испытывали демографический баланс с незначительным превалированием миграционного оттока, 11 % подходили к «зоне запустения». Более половины сельских населенных пунктов находились в стадии близкой к исчезновению, к 2020 г. их число — более 800 — сократилось на несколько десятков.

Дополнительные возможности для понимания историко-демографических процессов дают материалы социологического опроса, проведенного в 2018–2019 гг. в четырех сельских населенных пунктах Тамбовской области. Опрос выявил высокий уровень иммиграции в эти поселения. Около 30–40 % опрошенных указали в качестве места рождения окрестные селения, разные регионы Российской Федерации и бывшие республики СССР. Этот показатель дал основание для гипотезы о «реэмиграции» — возвращении на родину предков людей, разбросанных в ходе бурных событий XX в. по территории России и СССР. При этом он не подтверждает мнение некоторых демографов о том, что возвращение русских из ближнего зарубежья в родные села было временным явлением. В нашем опросе большинство «возвращенцев» указали, что проживают в тамбовских поселениях более 10 лет [Дьячков и др., 2020].

Все эти перемещения в последние десятилетия стали типичными проявлениями «консервативной модернизации». В частности, в кризисном 2009 году появилось понятие «экспорт безработицы», когда часть временных трудовых мигрантов, лишившихся работы в крупных городах, стали обращаться в органы службы занятости по месту постоянного жительства [Мкртчян]. Это наблюдение подтверждается некоторыми сведениями по центрально-черноземным областям.

В заключение подчеркнем, что разговоры о вымирании российской деревни выглядят упрощенно на фоне научных расчетов. Конечно, преобладание выезда из села над естественным приростом в целом в течение XX — начале XXI в. закономерно с точки зрения всемирного урбанизационного процесса. Но в течение столетия демографические процессы в деревне Центрального Черноземья развивались не только по пути депопуляции. В критические периоды, вплоть до кризисного 2020 года, неоднократно наблюдались проявления консервативной демографической модернизации, особенно обратная миграция в сельскую местность, в благоприятную для многих «ложных» горожан среду социально-экономического проживания вообще и среду переживания кризисных времен в частности. Такое движение в Центральном Черноземье позволяло и позволяет амортизировать непрерывную убыль числа селян.

Источники

Демографический ежегодник Российской Федерации за 2000–2018 годы. М. : Госкомстат России, 2001–2019.

Ежегодник России 1904–1916 гг. СПб. : Изд-во ЦСК МВД, 1905–1917.

Миграции населения РСФСР : сб. / ЦСУ при Совете Министров РСФСР (ЦСУ РСФСР). М. : [б. и.], 1974.

Население России за 100 лет (1897–1997) = Population of Russia: 1897–1997 : стат. сб. / Гос. ком. РФ по статистике (Госкомстат России) ; редкол.: Ю. А. Юрков — пред. и др. М. : Моск. изд. дом, 1998.

Российская Федерация в 1992–1999 годах : стат. ежегодник. М. : Госкомстат России, 1993–2000.

Центр фрактального моделирования социальных и политических процессов Тамбовского государственного университета : [сайт]. URL: <http://ineternum.ru>

Исследования

Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л. Население Советского Союза: 1922–1991. М. : Наука, 1993.

Аникин В. В. К вопросу о миграции населения в городах РСФСР в 1950–1956 годах // Вопросы истории. 1981. № 12. С. 56–65.

Вишневский А. Г. Демографическая революция. М. : Статистика, 1976.

Григоричев К. В. Миграционные процессы в Алтайском крае во второй половине 1940-х — конце 1980-х гг. // Аграрное и демографическое развитие Сибири в контексте российской и мировой истории. XVII–XX вв. / отв. ред. В. А. Ламин. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 1999. С. 181–183.

Демографическая модернизация России 1900–2000 / под ред. А. Г. Вишневского. М. : Новое изд-во, 2006.

Денисова Л. Н. Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960–1980-е гг. М. : Ин-т российской истории РАН, 1996.

Дьячков В. Л., Канищев В. В. Уровни применения демографических коэффициентов: от микро до мезо. Тамбовская губерния, начало XX в. // Демографические и экологические проблемы истории России в 20 веке : сб. науч. ст. / [отв. ред. В. Б. Жиромская, В. В. Канищев]. М. ; Тамбов : Изд-во ТГУ, 2010. С. 71–90.

Дьячков В. Л., Канищев В. В., Окатов А. В., Слетков И. А. «Зов предков» и миграционные мечтания: география иммиграций и эмиграций в тамбовских селах начала XXI в. // Вестник

Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2020. № 1. С. 17–22.

Жиров Н. А. Демографические процессы в Орловской губернии в начале XX в. // Демографические и экологические проблемы истории России в 20 веке : сб. науч. ст. / [отв. ред. В. Б. Жиромский, В. В. Канищев]. М. ; Тамбов : Изд-во ТГУ, 2010. С. 91–106.

Жиров Н. А. Переселенческое движение крестьянства аграрного центра России в конце XIX — начале XX вв. (по материалам Орловской губернии) // Вопросы истории. 2018. № 10. С. 130–137.

Жиров Н. А. Стратегии демографического поведения сельского населения юга Центральной России в 1959–2010 гг. на районном уровне // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 24, № 183. С. 244–251. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2019-24-183-244-251>

Жуков Д. С., Канищев В. В. «Если бы не было войны»: моделирование демографических процессов в российской деревне 1930–1950-х гг. (по материалам Тамбовской области) // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2019. № 3. С. 118–136. <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2019-3-118-136>

Жуков Д. С., Канищев В. В., Лямин С. К. Фрактальное моделирование демографических процессов в тамбовской деревне 1926–1939 гг. // Fractal simulation. 2012. № 1. С. 33–60.

Жуков Д. С., Канищев В. В., Лямин С. К. Фрактальная модель демографического поведения сельского населения Тамбовской губернии в 1912–1917 гг. // Fractal simulation. 2016. № 1. С. 5–17.

Жуков Д. С., Канищев В. В., Лямин С. К. Моделирование демографических процессов в поздней советской деревне: 1959–1989 гг. // Историческая информатика. 2019. № 4. С. 43–73. <https://doi.org/10.7256/2585-7797.2019.4.30639>

Кабузан В. М. Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII — начале XX века. М. : Наука, 1998.

Канищев В. В., Жиров Н. А., Кунавин К. С. Исторические факторы формирования наличного демографического поведения населения юга Центральной России во второй половине XX — начале XXI в. // История: факты и символы. 2019. № 3 (20). С. 43–61. <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2019-20-3-43-61>

Лукичев П. Н. Демографические и миграционные процессы на рубеже веков // Гуманитарий Юга России. 2014. № 3. С. 49–58.

Мазур Л. Н. Российская деревня в условиях урбанизации: региональное измерение (вторая половина XIX — XX в.). Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012.

Мазур Л. Н., Бродская Л. И. Эволюция сельских поселений Среднего Урала в XX веке: опыт динамического анализа. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2006.

Маршалл А. Принципы экономической науки. М. : Прогресс, 1993. Т. 1.

Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.) : в 2 т. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003.

Мкртчян Н. В. Внутренняя территориальная мобильность населения // Миграция в России, 2000–2012 : хрестоматия : в 3 т. / [гл. ред. И. С. Иванов ; сост. Н. В. Мкртчян, Е. В. Тюрюканова]. М. : Спецкнига, 2013. Т. 1. С. 589–601.

Население России в XX веке. Исторические очерки : в 3 т. / отв. ред. Ю. А. Поляков. М. : РОССПЭН, 2000–2013.

Переведенцев В. И. Методы изучения миграции населения. М. : Наука, 1975.

Платунов Н. И. Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917 — июль 1941 гг.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1976.

Славина Л. Н. Сельское население Восточной Сибири (1960–1980-е гг.). Красноярск : Красноярский гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2007.

Сушко М. Ю. Сельское расселение Саратовской области во второй половине 50-х — конце 70-х гг. XX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Саратов, 2011.

Хок С. Л. Мальтус: рост населения и уровень жизни в России. 1861–1914 годы // Отечественная история. 1996. № 2. С. 28–54.

Якименко Н. А. Аграрные миграции в России (1861–1917 гг.) // Вопросы истории. 1983. № 3. С. 18–31.

Wegren S. K. Human capital and Russia's agricultural future // Post-Communist Economies. 2014. Vol. 26, Iss. 4. P. 537–554.

Wegren S. K. The Quest for Rural Sustainability in Russia // Sustainability. 2016. Vol. 8, Iss. 7. P. 1–18.

References

Andreev, E. M., Darsky, L. E., & Har'kova, T. L. (1993). *Naselenie Sovetskogo Soiuza: 1922–1991* [Population of the Soviet Union: 1922–1991]. Moscow: Nauka.

Anikin, V. V. (1981). K voprosu o migratsii naseleniia v gorodakh RSFSR v 1950–1956 godakh [On the Issue of Population Migration in the Cities of the RSFSR in 1950–1956]. *Voprosy istorii*, 12, 56–65.

Denisova, L. N. (1996). *Ischezaiushchaia derevnia Rossii: Nechernozem'e v 1960–1980-e gg.* [Russia's Disappearing Village: The Non-Black Earth Region in 1960s–1980s]. Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN.

D'yachkov, V. L., & Kanishchev, V. V. (2010). Urovni primeneniia demograficheskikh koeffitsientov: ot mikro do mezo. Tambovskaiia guberniia, nachalo XX v. [Levels of Application of Demographic Coefficients: From Micro to Meso. Tambov Province, Early 20th Century]. In V. B. Zhiromskaya, & V. V. Kanishchev (Eds.), *Demograficheskie i ekologicheskie problemy istorii Rossii v 20 veke: sbornik nauchnykh statei* [Demographic and Environmental Problems of the History of Russia in the 20th Century: A Collection of Scholarly Articles] (pp. 71–90). Moscow; Tambov: Derzhavin Tambov State University Publishing House.

D'yachkov, V. L., Kanishchev, V. V., Okatov, A. V., & Sletkov, I. A. (2020). “Zov predkov” i migratsionnye mechtaniia: geografiia immigratsii i emigratsii v tambovskikh selakh nachala XXI v. [“The Call of the Wild” and Migration Dreams: Geography of Immigration and Emigration in Tambov Villages of the Early 21st Century]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriia. Politologiya. Sotsiologiya*, 1, 17–22.

Grigoriev, K. V. (1999). Migratsionnye protsessy v Altaiskom krae vo vtoroi polovine 1940-kh – kontse 1980-kh gg. [Migration Processes in Altai Krai in the Second Half of the 1940s – Late 1980s]. In V. A. Lamin (Ed.), *Agrarnoe i demograficheskoe razvitie Sibiri v kontekste rossiiskoi i mirovoi istorii. XVII–XX vv.* [Agrarian and Demographic Development of Siberia in the Context of Russian and World History. 17th–20th Centuries] (pp. 181–183). Novosibirsk: Institut istorii SO RAN.

Kabuzan, V. M. (1998). *Emigratsiia i reemigratsiia v Rossii v 18 – nachale 20 veka* [Emigration and Re-Emigration in Russia in the 18th – Early 20th Centuries]. Moscow: Nauka.

Kanishchev, V. V., Zhirov, N. A., & Kunavin, K. S. (2019). Istoricheskie faktory formirovaniia nalichnogo demograficheskogo povedeniia naseleniia iuga Tsentral'noi Rossii vo vtoroi polovine XX – nachale XXI v. [Historical Factors of Formation of the Present Demographic Behaviour of the Population of South-Central Russia in the Second Half of the 20th – Early 21st Centuries]. *Istoriia: fakty i simvoly*, 3 (20), 43–61. <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2019-20-3-43-61>

Khok, S. L. (1996). Mal'tus: rost naseleniia i uroven' zhizni v Rossii. 1861–1914 gody [Malthus: Population Growth and Living Standards in Russia, 1861–1914]. *Otechestvennaia istoriia*, 2, 28–54.

Lukichev, P. N. (2014). Demograficheskie i migratsionnye protsessy na rubezhe vekov [Demographic and Migration Processes at the Turn of the Century]. *Gumanitarii iuga Rossii*, 3, 49–58.

Marshall, A. (1993). *Printsipy ekonomicheskoi nauki* [Principles of Economic Science] (Vol. 1). Moscow: Progress.

Mazur, L. N. (2012). *Rossiiskaia derevnia v usloviakh urbanizatsii: regional'noe izmerenie (vtoraia polovina XIX – XX v.)* [The Russian Village in the Conditions of Urbanisation: A Regional Dimension (Second Half of the 19th–20th Centuries)]. Yekaterinburg: Ural University Press.

Mazur, L. N., & Brodskaya, L. I. (2006). *Evolutsiia sel'skikh poselenii Srednego Urala v XX veke: opyt dinamicheskogo analiza* [Evolution of Rural Settlements of the Middle Urals in the 20th Century: An Attempt at Dynamic Analysis]. Yekaterinburg: Ural University Press.

- Mironov, B. N. (2003). *Sotsial'naiia istoriia Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.)* [The Social History of Russia in the Period of the Empire (18th – Early 20th Centuries)] (Vol. 1). St Petersburg: Dmitry Bulanin.
- Mkrtchyan, N. V. (2013). Vnutrenniaia territorial'naia mobil'nost' naseleniia [Internal Territorial Mobility of the Population]. In I. S. Ivanov (Ed.), *Migratsiia v Rossii 2000–2012: khrestomatiia* [Migration in Russia in 2000–2012] (Vol. 1, pp. 589–601). Moscow: Spetskniga.
- Perevedentsev, V. I. (1975). *Metody izucheniia migratsii naseleniia* [Methods of Studying Population Migration]. Moscow: Nauka.
- Platunov, N. I. (1976). *Pereselencheskaia politika Sovetskogo gosudarstva i ee osushchestvlenie v SSSR (1917 – iul' 1941 gg.)* [Migration Policy of the Soviet State and Its Implementation in the USSR (1917 – July 1941)]. Tomsk: Tomsk University Publishing House.
- Polyakov, Yu. A. (Ed.). (2000–2013). *Naselenie Rossii v XX veke. Istoricheskie ocherki* [The Population of Russia in the 20th Century. Historical Essays] (Vols. 1–3). Moscow: ROSSPEN.
- Slavina, L. N. (2007). *Sel'skoe naselenie Vostochnoi Sibiri (1960–1980-e gg.)* [Rural Population of Eastern Siberia (1960s–1980s)]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev.
- Sushko, M. Yu. (2011). *Sel'skoe rasselenie Saratovskoi oblasti vo vtoroi polovine 50-kh – kontse 70-kh gg. XX veka* [Rural Settlement of Saratov Region in the Second Half of the 1950s – Late 1970s] (doctoral dissertation abstract). Saratov.
- Vishnevsky, A. G. (1976). *Demograficheskaiia revoliutsiia* [Demographic Revolution]. Moscow: Statistika.
- Vishnevsky, A. G. (Ed.). (2006). *Demograficheskaiia modernizatsiia Rossii 1900–2000* [Demographic Modernization of Russia, 1900–2000]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Wegren, S. K. (2014). Human capital and Russia's agricultural future. *Post-Communist Economies*, 26(4), 537–554.
- Wegren, S. K. (2016). The Quest for Rural Sustainability in Russia. *Sustainability*, 8(7), 1–18.
- Yakimenko, N. A. (1983). Agrarnye migratsii v Rossii (1861–1917 gg.) [Agrarian Migrations in Russia (1861–1917)]. *Voprosy istorii*, 3, 18–31.
- Zhiron, N. A. (2010). Demograficheskie protsessy v Orlovskoi gubernii v nachale XX v. [Demographic Processes in Oryol Province in the Early 20th Century]. In V. B. Zhiromskaya, & V. V. Kanishchev (Eds.), *Demograficheskie i ekologicheskie problemy istorii Rossii v 20 veke: sbornik nauchnykh statei* [Demographic and Environmental Problems of the History of Russia in the 20th Century: A Collection of Scholarly Articles] (pp. 91–106). Moscow; Tambov: Derzhavin Tambov State University Publishing House.
- Zhiron, N. A. (2018). Pereselencheskoe dvizhenie krest'ianstva agrarnogo tsentra Rossii v kontse XIX – nachale XX vv. (po materialam Orlovskoi gubernii) [Migration Movement of the Peasantry of the Agrarian Centre of Russia in the Late 19th – Early 20th Centuries (Based on the Materials of Oryol Province)]. *Voprosy istorii*, 10, 130–137.
- Zhiron, N. A. (2019). Strategii demograficheskogo povedeniia sel'skogo naseleniia iuga Tsentral'noi Rossii v 1959–2010 gg. na raionnom urovne [Strategies of Demographic Behaviour of the Rural Population of South-Central Russia in 1959–2010 at the District Level]. *Vestnik Tambovskogo universiteta: Seriia: Gumanitarnye nauki*, 24(183), 244–251. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2019-24-183-244-251>
- Zhukov, D. S., & Kanishchev, V. V. (2019). “Esli by ne bylo voyny”: modelirovanie demograficheskikh protsessov v rossiiskoi derevne 1930–1950-kh gg. (po materialam Tambovskoi oblasti) [“If there had been no war”: Modeling of Demographic Processes in the Russian Village of the 1930s–1950s (Based on the Materials of Tambov Region)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriia: Istorii*, 3, 118–136. <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2019-3-118-136>
- Zhukov, D. S., Kanishchev, V. V., & Lyamin, S. K. (2012). Fraktal'noe modelirovanie demograficheskikh processov v tambovskoi derevne 1926–1939 gg. [Fractal Modeling of Demographic Processes in Tambov Village in 1926–1939]. *Fractal simulation*, 1, 33–60.

Zhukov, D. S., Kanishchev, V. V., & Lyamin, S. K. (2016). Fraktal'naia model' demograficheskogo povedeniia sel'skogo naseleniia Tambovskoi gubernii v 1912–1917 gg. [Fractal Model of Demographic Behaviour of the Rural Population of Tambov Province in 1912–1917]. *Fractal simulation*, 1, 5–17.

Zhukov, D. S., Kanishchev, V. V., & Lyamin, S. K. (2019). Modelirovanie demograficheskikh protsessov v pozdnei sovetskoi derevne: 1959–1989 gg. [Modeling of Demographic Processes in the Late Soviet Village: 1959–1989]. *Istoricheskaja informatika*, 4, 43–73. <https://doi.org/10.7256/2585-7797.2019.4.30639>

Канищев Валерий Владимирович

доктор исторических наук, профессор
Тамбовский государственный университет
им. Г. Р. Державина
392036, Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: valcan@mail.ru

Kanishchev, Valery Vladimirovich

Dr. Hab. (History), Professor
Derzhavin Tambov State University
6, Internatsionalnaya Str., 392036 Tambov,
Russia
Email: valcan@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0772-7053>
Scopus AuthorID: 57190408126

Жиров Николай Анатольевич

кандидат исторических наук, доцент
Елецкий государственный университет
им. И. А. Бунина
399770, Липецкая обл., Елец,
ул. Коммунаров, 28.1
E-mail: zhirov-nikolai@mail.ru

Zhirov, Nikolay Anatolyevich

PhD (History), Associate Professor
Bunin Yelets State University
28.1, Kommunarov Str., 399770 Lipetsk
Region, Yelets, Russia
Email: zhirov-nikolai@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8460-9865>
ResearcherID: E-2439-2018
Scopus AuthorID: 57193094479